
Глеб Павловский

Система РФ

**ИСТОЧНИКИ РОССИЙСКОГО
СТРАТЕГИЧЕСКОГО
ПОВЕДЕНИЯ**

МЕТОД
George F. Kennan

Глеб Олегович Павловский
Система РФ. Источники
российского стратегического
поведения: метод
George F. Kennan
Серия «Тетрадки Gefter.Ru»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=10744884

*Система РФ. Источники российского стратегического поведения:
метод George F. Kennan: Издательство «Европа»; М.; 2015
ISBN 978-5-9739-0221-6*

Аннотация

Во второй из своих книг о «Системе РФ» Глеб Павловский продолжает исследовать российское государственное поведение. На этот раз автор применяет к Российской Федерации метод американского стратега Джорджа Кеннана. В феврале 2016 года исполнится 70 лет знаменитой «Длинной телеграмме» (The Long Telegram) об истоках советского поведения, где Кеннан впервые изложил свою знаменитую идею сдерживания (containment). Автор книги оценивает стратегический опыт, приобретенный Россией после войны 2014 года (которой посвящена первая

книга). Считая Систему РФ уникальным государственным образованием, автор исследует ее поведение в свете нового опыта. Эта книга – путеводитель по российскому стратегическому поведению для «чайников».

Содержание

От автора	7
К новому сдерживанию	9
Часть 1	14
Глава 1	15
Глава 2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Глеб Павловский

Система РФ.

Источники российского стратегического поведения: метод George F. Kennan

© Павловский Г. О., 2015

© Издательство «Европа», 2015

* * *

Автор выражает признательность Institut für die Wissenschaften vom Menschen (Вена), в стенах которого в основном написана эта книга. Дискуссии с Иваном Крастевым в IWM, а также с С. Г. Кордонским, А. Ф. Филипповым и И. Д. Чечель в редакции Gefter.ru были неизменно полезны (но никто из них не несет ответственность за мои гиперболы и парадоксы). Легко заметить, что источником моих идей в вопросах политической стратегии остается работа над текстами и записями Михаила Яковлевича Гефтера. И конечно, в книге ощутимо сильное раздражение дурацкими вопросами журналистов: почему у вас так

*все происходит? кто это, и где решал? как вообще
такое могло случиться?*

От автора

В свой прошлогодней книге «*Система РФ в войне 2014 года*» я писал: «Основываясь на личном опыте, Глеб Павловский считает нашу слабую государственность стратегически неуязвимой в мирные времена и готовой к военным». Теперь, в военном 2015 году, самое время оценить правоту своих слов либо от них отказаться.

Российское стратегическое поведение сегодня так непредсказуемо и прихотливо, что желающему его толковать придется доказывать полезность занятия. Мы живем в слишком быстром мире, и у всех мало времени: к чему вдумываться в импульсивные и просто глупые действия? Что если там, где мы ищем логику вещи, отсутствует сама вещь? Вот труднейший вопрос данной темы. Пример Джорджа Кеннана вдохновляет – тому было не легче 70 лет назад.

Слава Джорджа Кеннана вошла в 1946 году его Long Telegram об источниках советского поведения. Но через 45 лет Советский Союз развалился. На его месте возникла трудноотличимая от него поначалу Россия и еще несколько полувраждебных странсателлитов. В следующие 25 лет аналитики мира не проявляли никакого интереса к *источникам российского поведения*. Шли времена «единого пути всех цивилизованных наций», когда различия интересовали культурных антропологов, но не политических стратегов. Отнятие

Крыма у Украины обновило интерес (несколько нездоровый) к российскому поведению.

Казалось бы, что такого произошло? На пути цивилизованных наций есть повороты покруче. Но мартовский акт 2014 года травмировал европейские представления о России и о будущем Европы. Вопрос снова ведет к источникам нашего поведения, и Кеннан актуален опять. Но достаточны ли его оценки 1946-го для стратегических разработок в 2016 году?¹

Автор разрывается между мотивами, где легко угадать конфликт интересов: с государственностью без внеправовой и управленческой логики трудно работать – но происходящее хочется еще и понимать. Действие и понимание, политика и теория почти несовместны в общем порядке действий. Остается надеяться, что счастливые обладатели только одного из двух этих мотивов избегнут моего конфликта и найдут для себя здесь более полезную им группу суждений.

Глеб Павловский, июнь 2015

¹ См. «Неопознанные национальные интересы РФ» в Приложениях.

К новому сдерживанию

В политической истории бывает, что – по тем или иным обстоятельствам – одна страна, сила или коалиция приобретает аномальную свободу рук. Историк и философ Михаил Гефтер говорил (ссылаясь на термин Александра Герцена) о *просторе отсутствия*, толкающем людей искать в нем себе *пространство экспансии*.

Классический кейс – сталинский СССР в Европе 1945 года. Гигантская военная сила уже заняла позиции сверх согласованных в Ялте и готова без напряжения занять другие. Не найдя применения такому могуществу, Сталин впал в состояние, известное как *hybris*. Выбрав ложные цели (Северный Иран, армянские земли в Турции, Северная Ливия – странный выбор), он плохой геополитикой враждебно сплотил против себя вчерашних союзников СССР.

Тем не менее союзники продолжали пытаться как-то договориться с Москвой, обсуждали ее цели, строили догадки о «планах Сталина» – ничто не складывалось в ясную картину. Положение быстро ухудшалось. Тогда, как известно, на сцену вышел Джордж Кеннан и в знаменитой «Длинной телеграмме», посланной из Москвы (The Long Telegram, 5400 слов, февраль 1946-го), сказал: ничего из этого делать не надо, и менее всего стоит гадать о «планах Кремля» и заглядывать в «душу Сталина». Инерция поведения, силы и ложной

доктрины сильнее генералиссимуса. Преппираясь с Москвой, вы только теряете время. Это покажется Кремлю слабостью, но не расположит к снисходительности. Причина не в тайнах Востока, непонятых Западом, причина – в потере предмета, который должен быть понят.

Джордж Кеннан предложил рассмотреть *советское поведение* как эшелонированную исторически и идейно инертную систему, диктующую правила в поле ее господства. Сам Сталин, выдающийся манипулятор людьми, не в силах преодолеть ее инерции. То, что он и был ее генеральным конструктором, не важно, когда система сложилась.

Отсюда следовало, что не только США, противостоя советскому коммунизму, не знают мыслей противника, но и сам противник может не знать своих намерений. Гадая о планах Кремля, хотят похитить то, чего нет.

Кеннан предложил идею *сдерживания* Москвы – containment. Сдерживание, понятое как вынужденное включение суперсилы в большую игру с коротким и жестким списком заранее известных табу. В ситуации 1946 года таким «табу» было признано посягательство на изменение государственного, общественного строя и идеологии стран противостоящего блока.

Но философия сдерживания не столь узко ситуативна. Модель Кеннана содержит параметр, крайне важный для РФ сегодня, – связь внутренней и международной политики. В эпоху СССР та обосновывалась идейно – природой комму-

нистического государства. То, что Советский Союз при национал-имперской политике Сталина не был национальным государством, списывали на «революционное отклонение» от эволюционирования империи в национальную Россию. Советского коммунизма нет, но и национальной России нет также, если не в большей степени, чем в СССР. И вдобавок, новый «простор отсутствия» наметился внутри страны.

Простор отсутствия – 2

Простор отсутствия – 2 тоже ситуативен и также почти случаен. Конечно же, он не планировался никем, и сегодня не вполне комфортен ни для кого, даже для президента Путина. И тем не менее завершается преобразование кремлевского субъекта в самонадеянную силу, нависшую над «простором отсутствия». Пространством экспансии новой несдержанной силы на этот раз стала сперва сама Россия, РФ, а в след за ней – постсоветский Евровосток, раздираемый между Европой и Евразией. Опять всемогущая власть без программ, опять ее более сильные противники ведут обоюдно раздражающие препирательства. Опять аналитики Запада гадают о «планах человека в Кремле». И все это столь же стратегически бесполезно, как было в 1946 году.

Правда, за 70 лет мир далеко ушел. Современная РФ не нависла над Европой как военно-идеологический комплекс. И русские танки не смогут в два дня выйти к Ла-

Маншу, даже получив приказ верховного главнокомандующего. Но внутреннее состояние постсоветской России стало глобальной проблемой, как и у Советов времен Джорджа Кеннана.

Самое опасное сходство в том, что Система РФ, подобно Москве 1946 года, но на иных основаниях, отрицает общепризнанные нормы как таковые. И эта нигилистическая воля (в отличие от Сталина, не ведающая, против чего обращен ее нигилизм) почти не встречает возражений в стране. Нормы она отклоняет ссылками на «легитимное большинство», а большинство обеспечивает суверенным насилием – и в этой тавтологии РФ зависла, будто в центре вселенной. Советскую систему тоже обвиняли в идейном аутизме, но до самонадеянности таких степеней она не доходила.

Сегодня, как и тогда, в массе попыток «диалога» или «полемики» с этой не ведающей свои цели силой, слышен рефрен: как жаль, что их вовремя не остановили! И сегодня этот ресентимент столь же пуст, как в 1946 году. Джордж Кеннан ставит вопрос не о том, кто виновен, а о том, как вернуть разрушительную – и саму себя разрушающую – силу в границы реального. Заставив ее эти границы уважать. Но если в 1946 году вопрос так ставился перед администрацией сильнейшей из антифашистских держав, то сегодня его уже неверно ставить как вопрос чьей-либо государственной политики. Здесь главное отличие от эпохи Кеннана.

Сдерживание не может стать миссией какого-то из госу-

дарств, западных или не западных. Это внутренняя задача для самой Системы РФ, это наша национальная задача на-долго.

Часть 1

Подход к проблемам в Системе РФ и ее подход к вашим проблемам

Система РФ создает проблемы (в том числе и вам), а затем справляется с ними неожиданным для себя образом. Живущие в ней люди привыкли к угрозам и бедствиям.

Фронтмен Системы РФ Владимир Путин, выступая в Москве на Васильевском спуске в марте 2015 года, сформулировал это так: «Мы с вами пойдем вперед, мы будем укреплять нашу государственность, укреплять нашу страну, будем преодолевать трудности, которые мы с вами так легко создаем сами для себя в течение всего последнего времени».

В этой части объясняется, отчего Система РФ всемогуща, хотя не умеет принимать управленческих решений.

Глава 1

Система РФ как метод, процедура и государственность

В этой главе вкратце и без теоретического обоснования толкуется Система в целом. Здесь ее наиболее радикальный пункт расхождения с СССР, как тот описан Дж. Кеннаном, но здесь же объяснение непреходящей ценности его подхода. Почему Система преуспевает вопреки логике, прогнозам и провалам, пока не перестанет одновременно преуспевать и существовать.

Система как процедура

Пространство советских аллюзий о российском государственном поведении безбрежно, никто не избежал их. Здесь мы вступаем в царство Джорджа Кеннана, давшего убийственно краткую, но дружественную оценку истоков советского поведения. Кеннан ничуть не нейтрален, он разработчик стратегии для США. Но рисуемая им картина страны – противника СССР более дружественна, чем наши российские описания советского мира.

Перед Соединенными Штатами в феврале 1946-го был

сталинский СССР, управляемый ВКП(б) под «светочем идей марксизма-ленинизма». Джордж Кеннан рассмотрел советскую идеологию не как доктрину или политическую веру, а как *прагматику оперирования* всем в мире – противниками, союзниками и даже самой собой. Что нашел бы сегодня на этом месте Кеннан – ничего? Что заняло опустелое место цели в новой государственности РФ, возникшей после декабря 1991 года? Ответов много, но ключа нет до сих пор. (Не хочу винить почтенные концепты *российской демократии, капитализма в России, новой русской клептократии, сырьевого петрогосударства, внутреннего колониализма* или *мягкой бюрократической автократии*.)

На месте, некогда маркированном коммунистической идеологией, находится *сама Система РФ* – не как государство (которым она не является), а как *принцип российского поведения*.

Система РФ – процедурный навык обращения со всем в поле ее досягаемости, легко доступный для усвоения чиновниками и любым человеком. Только тут, в точке идейной несовместимости СССР и РФ, мы обнаруживаем их скрытое *процедурное родство*. Преемственность СССР/РФ не в «тоталитаризме» или «имперской архаике». Она в способе обращения со всеми вещами без исключения, от материальных и финансовых до ментальных, этических и религиозных. В процедуре, обращающей людей – независимо от их прав, статуса и воли – лишь в поводы и ресурсы.

Система РФ не государство, и тем более не идеология. Это развитый ансамбль методов и технологий работы с миром, уникально простой, позволяющей мультиплицировать данное поведение на любое число людей, обучаемых и вовлеченных в ее обслуживание. И нашу обучаемость не сдерживают более доктринальные оболочки и партийные нормы.

Если пренебречь философским вопросом, свободен ли нигилист, можно сказать, что Система РФ – самая свободная государственность в мире. Что, разумеется, нельзя смешивать с либеральной и гражданской свободой.

Искусство быть внезапным

Говоря об источниках советского поведения, Джордж Кеннан говорил о поведении Кремля, объединяя в этом понятие всю советскую номенклатуру, тогда очень жестко вертикально интегрированную. Отсюда сходства и отличия его описаний от постсоветских стратегий Системы РФ. Кеннан, например, ничего не пишет о *советской внезапности* – этот навык не присущ позднесталинскому человеку. Советскому гражданину не велели быть слишком порывистым. Общество директив не любило импровизаций и неожиданностей на партсобраниях.

Но Система РФ возникла внезапно. Выдуманная по случайному поводу как импровизированная подпрограмма для выборов в Верховный Совет РСФСР 1990 года, *новая су-*

веренная Россия уже 12 июня 1990-го объявила о государственном суверенитете (внутри СССР). В эту внезапность свой вклад внесла личность Бориса Ельцина, любившего внезапности по характеру.

Ельцин стал президентом России благодаря тому, что сознательно культивировал порывистость. Так возникла его тактика политического зигзага, то есть политика «загогулины» – внезапного двойного маневра. Создав ситуацию масштабной угрозы, он затем выступал последним спасителем от нее, конвертируя кризис власти в личное первенство. Так политик – источник рисков стал бенефициаром всех выигрышей и всех проигрышей игры. И остановил достойного преемника.

Борьба с нормой и нормальностью

Система РФ изначально находилась в *борьбе с нормальностью* – нормальная жизнь, как считали, осталась за границей РФ. Ее отождествили с жизнью Европы и Запада. Нормальность стала местом туризма, зато РФ освободила себя от нормативных обязательств.

С 1993 года Кремль развивал технологии поведения, обходящие нормальность, фальсифицируя ее ради простоты достижения целей. Цели были корыстны, но имели достойный мотив – достижения нормальности в будущем финале слияния с «путем всех нормальных (западных) наций».

Отказ от нормальности из технологии превратился в повседневность Системы. Затем перерос в доктринальное презрение к норме внутри РФ – включая свои же нормы. Система легко их преступает и охотно этим бравирует. Поведение силовиков и судебных инстанций в отношении политических противников – всероссийский спектакль презрения к государственной норме. Их месседж – ничтожность закона в отношении людей и организаций, включенных в «стоп-листы» Системы РФ.

Если люди Системы почему-либо захотят придерживаться общепринятых норм (хотя бы в течение 30 дней!), им потребуется отдельное решение на самом высоком уровне. И невероятные усилия по самоконтролю.

Прогрессор именем большинства

Апогей внезапности – внезапная радикализация 2014–2015 годов. Это способность действовать радикально там, где этого не ждут, и почти во всякий момент. Откуда такая гибкость у институционально слабой и управленчески детренированной власти? Отчасти потому, что *Система РФ* – это недемократический способ строить поведение в расчете на будущее большинство.

В России тема большинства сразу возникла как тема *лидера от имени большинства*. Мандат лидера сразу после выборов отделялся от конкретного электорального большинства.

Поначалу большинство с трудом набирали под этот мандат, и оно было нестойким. Но мандат тогда уже был неограниченным.

А есть и мандат от внешнего мира. Глобальная легитимность – мандат на «процесс реформ», «транзит» и «модернизацию» – укрепляет статус, дистанцируя его от выборного, а значит, сменяемого.

Команда Кремля действует именем прогресса, она «прогрессор». У нее право на защиту правящих элит то от «националистов», то от «региональных сепаратистов». Накапливается *масса мандатов*, и каждый из них имеет чрезвычайный пункт. Шкала действий власти смещена к радикальности, уже без оглядки на цели мандата.

Раз власть действует достаточно радикально и масштабно, прогрессивные реформы ей уже проводить не обязательно. *Масштаб* властного маневра дает ей право создавать и создавать большинство. Молниеносный маневр, доказывающий искусство ошеломить, сделав не то, чего ждали, в конце концов приветствуется почти всеми. Кроме жертв.

Выжидательность – не политика мира

Система РФ инициируется экстремальными состояниями. Это нельзя понимать буквально. Кремль не дожидает-

ся случайностей, как землетрясений, – он их «организует»². Потенциал чрезвычайщины содержится в теле Системы РФ, и доставаем оттуда при зигзагах-загогулинах курса Кремля. Международный риск в том, однако, что внутренние зигзаги время от времени требуют выбросов вовне. Внешние эксцессы дают нам временное утоление запроса на «тоник экстремальности».

² Сергей Кириенко, генеральный директор Корпорации «Росатом», недавно заметил: «Удивительная вещь, но Фукусима позволила нам резко увеличить объемы продаж. Разговор идет о постфукусимских требованиях безопасности. Это важно, это добавило нам возможности, и мы в разы увеличили объемы своего портфеля заказов».

Глава 2

Команда Кремля

Команда Кремля исторически возникла на основе, которая далее забылась, хотя ее кадры и ее предрассудки переходили в следующую фазу. Команда Кремля довольно устойчива, что обеспечивает устойчивость самой Системы. Застойный состав кадров генерирует ауру стабильности в нестабильных состояниях. Команда нуждается в монополии на ресурсы РФ, иначе не сможет продавать свои услуги на мировых рынках, а это беда.

Откуда взялась Команда Кремля

В Кремле 1990 годов сложилась группа, вынужденно имитирующая государство. Это станет одной из главных функций Команды Кремля и администрации президента РФ. Используя свои преимущества и главное из них – контакт с президентом Ельциным, кремлевская группа переиграла игроков более сильных.

Новая Команда Кремля была одним из авторов новых правил – тем более ей незачем было их выполнять. Здесь наметились «ножницы» между созданием правил и импровизацией действий.

Чтобы преуспеть, их поведение должно было быть свободно от правил, – которые тогда едва разрабатывались и вводились с трудом. Новая Россия началась с того, что появились когорты людей, ведущих себя целесообразно, но необычным для советского общества образом. Они практиковали то, что в СССР не позволялось практиковать. (Уже поэтому гипотеза о якобы «советской» природе власти в РФ выглядит сомнительной.)

Зона правил и процедур формировалась медленнее, чем консолидировались активные группы, уже тогда называвшие себя *элитами*, опережая какие бы то ни было правила.

Россия, взятая целиком, слишком огромна, чтобы равномерно получить доступ к глобальным возможностям развития – это делает эксклюзивной группу, которая такой доступ получит. Население изолирует от мира верткость Команды Кремля – ее действия вне правил при легком доступе к мировым рынкам, финансам и медиа. Открыв себе глобальное поле действия, Команда отключила от него население, а затем от политики вообще.

Положение «резидентуры прогресса» – во многом комфортное положение. Оно в нарастающей степени определило мировые амбиции Команды Кремля.

В чем смысл администрации президента

Система РФ умеет быть *верткой*, поскольку знает место,

где ее легко обратить против собственных правил, не говоря о законах.

АП РФ – организация, упраздняющая силу всех других государственных организаций и норм, шлюз входа в параллельную политику, открывающий обширные возможности действия.

Любая важная организация в России, с какой бы целью та ни возникла, вовремя не закрытая, превращается в институт. АП РФ, возникнув в 1991 году, ни разу не ставилась под сомнение; все ее реорганизации связаны были только с ее укрупнением.

АП РФ возникла импровизированно, как орган защиты президента от остальных конституционных институтов Российской Федерации. Поначалу это мотивировали устарелой Конституцией (РСФСР), угрозой коммунистической партократии, борьбой с Верховным Советом России. Но еще до принятия новой Конституции РФ 1993 года функция АП прояснилась вполне: *дуализм легальности*. Когда политика стала недоступной для граждан, АП РФ осталась монопольным субъектом политического действия.

Это система надконституционного контроля всех трех ветвей власти. Она все так же нелегальна, как в 1991 году. Отсюда можно запустить сколь угодно рискованную спецоперацию, непоправимо меняющую государственный порядок в стране.

Правительство Медведева

У Системы есть резерв под названием «правительство Медведева», к нему здесь двойственное отношение. Правительство Медведева – это сентябрьская индейка, которую придерживают, чтобы зарезать в любой нужный момент. Номинально правительство есть. Оно обслуживает задачи, которые не умеют обслужить другие. В Кремле не хотят остаться без правительства, ведь новое придется назначать под давлением полуидеологических лобби и безумных воинственных миллионеров.

Без Политбюро

Советское Политбюро было функционально – верхушка партии, управленчески сращенной с государственным аппаратом. Каждый в Политбюро имел под собой действительную власть – вертикаль, доходящую до низу. Люди в Политбюро знали, что, если доживут, они выберут нового правителя страны – генерального секретаря ЦК КПСС.

Никто из друзей Путина не смеет на такое претендовать. Даже в шутку никто не скажет президенту: мы выберем тебе преемника. В Системе РФ нет машины преемственности, и теперь это – фатальная слабость. Команда Кремля в прин-

ципе не знает, каким образом ее власть продлится. Она вынуждена настаивать на монополии, а этого мало. Монополия эксклюзивна, и все, кто остался вне, не так заинтересованы видеть Команду в Кремле. Фактор будущего превратился в пункт актуальной нестабильности Системы.

Кремль в ожидании

Команда Кремля всегда выжидает форс-мажоров глобального уровня. Вот и сегодня она дожидается мировых кризисных явлений, которые вынудят ее врагов переключиться с Москвы на другие цели. Антироссийские санкции превращают страну в полигон жестоких испытаний: на что мы рассчитываем?

Эталонная осень 2008 года, спасительное двойное «чудо Обамы». Когда Большой кризис и крах бушизма отбили у Запада интерес к грузино-российской войне. Станет ли успешной политика выжидания на этот раз? При нескольких условиях.

Во-первых, Кремль должен сохранять свободу рук внутри России, несмотря на удары санкций по его социальной базе. Во-вторых, успех выжидания требует исключить все расчеты на уход Команды Кремля или разворот ее в желаемом для Запада направлении.

Встал вопрос о новом порядке управления страной в режиме санкций, его ищут. В *русском выжидании* заинтересо-

вана часть мировых игроков, но как убедить их сделать хотя бы скромные ставки на политику Москвы? КНР не имеет мотива помогать в данной ситуации РФ, но затягивание режима санкций в интересах китайцев. Пекин *категорически* не хочет капитуляции Кремля перед Вашингтоном и сделает многое, чтобы этому воспрепятствовать. Можно ждать поощрительных китайских жестов в сторону Кремля, ни один из которых не будет ни бесповоротным, ни однозначно антиамериканским.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.